

Глава XIX. Колонна «Дуррути» в Мадриде

Первыми, кто запросил присутствия Дуррути в Мадриде, были члены НКТ Центра. 9 ноября на собрании, перед лицом военной беззащитности столицы и учитывая, что психологическое оружие могло внести огромный вклад в дело сопротивления, они решили выдвинуть на поле битвы имя Дуррути, легендарной личности, для того чтобы возродить боевой дух населения и его защитников. Для поездки в Бухаралос назначили делегатов — Давида Антону и Мигеля Инесталья, — с тем чтобы убедить Дуррути. Когда оба делегата прибыли в Валенсию, там они узнали: такого же мнения придерживалось и правительство, и Федерика Монтсени взялась уговорить Дуррути²²⁵.

В Барселоне в отношении Дуррути действовали в том же духе, что и в Валенсии и Мадриде. Советский консул Овсенко заявил Департаменту Обороны правительства Женералитат, что если удавалось быстро послать подкрепление в Мадрид, то русские были готовы вооружить защитников столицы Испании. Диего Абад де Сантьян, занявший в Департаменте обороны пост Гарсии Оливера, срочно созвал всех делегатов колонны Арагона на военную конференцию в Барселону. Она состоялась в ночь с 11 на 12 ноября. Военачальникам и делегатам колонны была изложена ситуация: кто из них наиболее подходящая кандидатура для командования в Мадриде каталонскими войсками, с целью поддержки в обороне столицы? Приняли решение послать в Мадрид 12 000 человек, и мнения всех совпали: командующим нужно назначить Дуррути:

«Но единственным стоявшим против такого назначения был сам Дуррути, он не хотел уезжать. Взволнованный, он просил оставить его на Арагонском фронте.

— Если бы ты, как и я, видел трамваи Сарагосы, — сказал он Сантьяну, — то не уехал бы в Мадрид.

Я возразил ему: в связи со сложившейся ситуацией представлялось бесполезным думать об атаке Сарагосы. Тогда он сказал мне, чтобы послали другого, Мигеля Йолди, поскольку он больше подходил для этой цели. Тот ответил, что даже если бы утверждаемое было правдой, Мигеля Йолди не звали Дуррути, и что в Мадриде для поднятия духа бойцов нуждались именно в Дуррути. Наконец он уступил. Так закончилось собрание делегатов милиций; потом все разъехались по своим частям, чтобы подготовить бойцов для отправки в Мадрид»²²⁶.

12 ноября утром Дуррути позвонил в Бухаралос и попросил, чтобы подготовили для отправки в Мадрид Группировки I (Хосе Мира) и VIII (Либерто Рос), кроме того, Центурии 44, 48 и 52, полностью сформированные из интернационалистов. В этих частях насчитывалось

большое количество шахтёров, хороших знатоков динамита, к тому же у всех бойцов имелось преимущество опыта предыдущих сражений в Съэтамо, взятии Фуэнте де Эбро и контратаки в Фарлете против Мобильной колонны Уррути. Здесь речь шла не о новобранцах. В общей сложности личный состав этих подразделений не превышал тысячу четыреста человек. Это число — намного ниже всех указанных цифр в процитированных свидетельствах. Военный комитет, который должен был руководить этой колонной, состоял из Мигеля Йолди, Рикардо Рионды (Рико), Мансаны и Мори — секретаря Дуррути.

Мы восстановим выход колонны «Дуррути» из Барселоны вплоть до её прибытия в Мадрид, со слов двух свидетелей, отредактировавших свои мемуары спустя месяцы после событий, о которых мы поведём рассказ; причём оба автора находились на довольно большом расстоянии друг от друга. И хотя одного из них можно подозревать в сокрытии некоторых фактов «с целью не навредить его организации — НКТ» (речь идёт о Хосе Мире), то другого — бельгийского журналиста Матью Кормана — нельзя упрекнуть в этом грехе: он даже не был анархистом, а принимал участие в Колонне, проявляя солидарность, которая мотивировала его присоединиться к группе интернационалистов этой Колонны.

Так, Матью Корман пишет:

«(13 числа) в порту “милисьянос” лихорадочно разгружали ящики, прибывшие на корабле из Центральной Америки. Дуррути поторапливал: “Давайте! Давайте!” Другие “милисьянос” грузили ящики с винтовками или пулемётным снаряжением в железнодорожные вагоны. Эти люди, — рассказывает Корман, — не спали уже двое суток подряд и после завершения погрузки, должны были отправиться в дальний путь — 800 километров. Вагоны, приводимые в движение двумя мощными локомотивами, перевозили тяжёлый груз нашего военного снаряжения, одну часть которого²²⁷ по прибытии в Мадрид нужно было передать интернационалистам».

Описание Корманом сцены в порту Барселоны: Дуррути в очках, в свете фонаря делающий заметки о прибывшем грузе, даёт понять: действие происходило 13 ноября ночью или, по крайней мере, когда уже стемнело. Хоан Ларч в книге, посвящённой обстоятельствам смерти Дуррути²²⁸, совершает бесчисленное количество ошибок, и в особенности одну недопустимую: он не указывает источники приводимых цитат. Тем не менее там есть исторические факты, которые позволяют провести последовательную нить в отношении темы о Дуррути. В этом случае мы воспользуемся его текстом, чтобы расширить свидетельство Кормана в отношении разгрузки в порту, имевшей место на складе номер 8. Разгружаемое оружие было произведено в Швейцарии и Мексике; речь шла о снаряжении, которое купили русские, платя золотом, но оно представляло из себя самый настоящий металлолом. Мексиканские ружья марки «винчестер» с патронными обоймами для девяти пуль, как винтовки маузер, но не испанского калибра, что представляло огромную проблему для приобретения боеприпасов, к тому же приклад был настолько непрочным, что ломался после обыкновенного удара; всё это намного снижало качество оружия. Швейцарские винтовки были ещё хуже, так как речь шла о модели и боеприпасах 1886 года; ствол застревал после нескольких выстрелов. Дуррути не смог проверить снаряжение в Барселоне, но как только он в Мадриде удостоверился в состоянии этого оружия, то позвонил Сантильяну и сказал, «что посланные ему ружья он мог засунуть в ж.... и чтобы

ему срочно выслали тридцать пять тысяч ручных гранат, называемых «ФАИ»»²²⁹.

Нам представляется невозможным точно указать время, но? вероятно, поздно ночью 13 ноября груз отбыл на торговом поезде по направлению в Валенсию. Пока поезд был в пути, Дуррути также отправился в Валенсию — на самолёте, в сопровождении Мансаны и Йолди. Когда груз прибыл в город Турия (приблизительно в полдень 14 ноября), Дуррути вместе с Гарсией Оливером ожидал на железнодорожной платформе²³⁰.

Он поговорил с Хосе Мирой и Либерто Росом, делегатами группировок, и сообщил им, что до Мадрида груз последует на автокарах или грузовиках — ввиду того, что железная дорога на одном участке была разрушена бомбардировками противника. Также сказал: для организации прибытия колонны он вылетит с Гарсией Оливером на самолёте в Мадрид.

Так, Дуррути и Гарсия Оливер прилетели в Мадрид 14 ноября во второй половине дня. Именно в этот день Рохо и Миаха подготавливали атаку 15 ноября. В силу присутствия Дуррути многим показалось, что его колонна также находилась в Мадриде. Вполне возможно, что Дуррути и Рохо ожидали прибытия колонны вечером того же дня, и этим объясняется знаменитый приказ, о котором мы уже писали: в нём указывалось, что колонна «ЛибертадЛопес Тьенда» должна была действовать под началом Дуррути.

Когда Дуррути и Гарсия Оливер вышли из Министерства обороны, чтобы пойти к дому 111 на улице Серрано, где обосновался Комитет обороны НКТ в Мадриде, то они встретились с Кольцовым. Тот в своём «Дневнике» описывает колоритный разговор, который мы далее приводим дословно, как нечто любопытное:

«Прибыла каталонская колонна во главе с Дуррути (здесь Кольцов соединяет имя Дуррути с каталонской колонной «ЛибертадЛопес Тьенда»). Три тысячи человек, очень хорошо вооружены и обмундированы, внешне совершенно не похожи на анархистских воинов, окружавших Дуррути в Бухаралосе.

Он обнял меня очень радостно, как старого приятеля. И тотчас же пошутил:

— Ты видишь, я не взял Сарагосу, меня не убили, и я не стал марксистом. Всё ещё впереди.

Он похудел, подтянулся, вид более военный, у него адъютанты, и разговаривает он с ними не митинговым, а командирским тоном. Он попросил себе советника-офицера. Ему предложили Санти²³¹. Он расспросил о нём и взял. Санти — первый коммунист в частях Дуррути. Когда Санти пришёл, Дуррути сказал ему:

— Ты коммунист. Ладно, посмотрим. Ты будешь всегда рядом со мной. Будем обедать вместе и спать в одной комнате. Посмотрим.

Санти ответил:

— У меня всё-таки будут свободные часы. На войне всегда бывает много свободных часов. Я прошу разрешения отлучаться в свободные часы.

— Что ты хочешь делать?

— Я хочу использовать свободные часы для обучения твоих бойцов пулемётной стрельбе. Они очень плохо стреляют из пулемёта. Я хочу обучить несколько групп и создать пулемётные взводы.

Дуррути улыбнулся:

— Я тоже хочу. Обучи меня пулемёту.

Одновременно в Мадрид приехал Гарсия Оливер, он теперь министр юстиции. Они ходят вдвоём.

Оба знаменитых анархиста беседовали с Миахой и Рохо. Они объяснили, что анархистские части пришли из Каталонии спасти Мадрид, и Мадрид спасут, но после этого здесь не останутся, а возвратятся в Каталонию и к стенам Сарагосы. Далее они просят отвести колонне “Дуррути” самостоятельный участок, на котором анархисты смогут показать свои успехи. Иначе возможны недоразумения, вплоть до того, что другие партии начнут приписывать себе успехи анархистов. Рохо предложил поставить колонну в Каса дель Кампо, с тем чтобы завтра атаковать фашистов и выбить их из Парке в юго-западном направлении. Дуррути и Оливер согласились»²³².

Наш интерес в транскрипции написанного Кольцовым заключается в том, чтобы удостовериться: в этом тексте ясно видно, как Хьюг Томас, Туньон де Лара и другие придали этому повествованию ценность подлинного факта и не взяли на себя труд проверить, а дословно его переписали. Человек «вымышленной истории», как называет Кольцова его коллега Эренбург, стал «для историков, исследующих войну в Испании, богатой залежью информации».

«Когда наступила ночь 15 ноября, — пишет Эдуардо де Гусман, — ситуация была крайне сложной. Нет войск, которыми можно командовать. Нет элементов для противостояния противнику. Снимать бойцов с другой позиции, значит оставить её оголённой. Но если ничто не будет предпринято, быть может, Мадрид завтра же будет сдан...

К счастью, этим же вечером в Вальекас прибывают люди колонны “Дуррути”. Четыре тысячи решительных и самоотверженных бойцов, четыре тысячи анархистов, закалённых четырьмя месяцами постоянных сражений. Они быстро пришли с линии фронта Арагона. Смертельно устали от долгого пути. Но Дуррути говорит Миахе: “В два часа, на рассвете, мои люди будут на том участке, который вы им назначите...”.

Де Гусман в дословно приведённом тексте также совершает ошибку в отношении количества бойцов. Тем не менее, что касается вступления колонны в город, указывая два часа ночи — рассвет 16 ноября, — он точно отражает историческую правду.

Теперь давайте рассмотрим положение в Университетском городке после прорыва линии фронта в конце дня 15 ноября:

«Взятие Университетского городка “не произошло за десять минут” (как отмечают некоторые зарубежные писатели). Войска “националес” были вынуждены завоёвывать прочные здания одно за другим — их стойко защищали анархисты, коммунисты и интернационалисты; причём обе стороны понесли огромные потери. Реакция республиканцев ввиду переправы противника через реку состояла в стягивании в Университетский городок всех резервных сил, чтобы затем контратаковать и вернуть утерянные позиции. Наверняка именно во время такой контратаки в бой вступила колонна “Дуррути” и, в силу неумелой стратегии боя, понесла невероятные потери.

Чтобы окружить со всех сторон новый клин мятежников, интернационалисты из XI бригады заняли северный участок Университетского городка — так называемый Дворец (Palacete), — оставляя свою прежнюю позицию, вплоть до Пуэнте-де-СанФернандо, V смешанной бригаде под руководством Сабыо. Дополняли линию фронта остатки “Лопес-Тьенда”, колонна “Дуррути” и весьма пострадавшая IV бригада, уже под командованием Ромеро. Вскоре подошли подкрепления резервы V полка — колонны “Эредиа” и “Ортега”. Защита всего Университетского городка была поручена полковнику Альсугараю.

Клебер установил свой командный пункт в Клуб-де-Пуэрта-деИерро, в то время как его батальоны прошли вперёд. “Парижская Коммуна” заняла позиции на факультете философии и литературы; “Домбровский” — в Каса-де-Веласкес, “Тельман” встал слева, на другой стороне от речушки Кантарранас, рядом с Виадукто V бригада занимала позицию справа, вплоть до реки, между тем как Дуррути обосновался на факультете наук Одонтологического училища и факультете медицины и фармацевтики, а также в приюте Санта Каталина. Подальше, на участке Клиники и прилежащих госпиталей, обосновались силы V полка»²³³. Висенте Рохас и Миаха приказали контратаковать в ранние рассветные часы 16 ноября. Далее мы рассмотрим поведение и обстановку в колонне «Дуррути» в этих обстоятельствах. Для этого мы будем придерживаться имеющихся у нас свидетельств, то есть Кормана и Миры. Но прежде всего важно отметить интервью, имевшее место той ночью в Комитете обороны НКТ-ФАИ, расположенном в доме 111 на улице Серрано. Мы взяли из текста Сиприано Меры следующие данные:

«Ночью, примерно в десять часов, на командный пункт позвонили по телефону и срочно потребовали моего присутствия в Комитете обороны НКТ. Как только мне сообщили, я опрометью бросился на улицу Серрано; там уже находились Эдуардо Валь, Дуррути, Гарсия Оливер, Федерика Монтсени, Мансана (помощник Дуррути), Йолди и другие товарищи (...). Дуррути хотел знать моё мнение о положении в Мадриде. Я сказал, что думаю, а также сообщил о наших рекомендациях генералу Миахе и подполковнику Рохо, кроме того — нашему Комитету обороны (здесь речь идёт о контратаке, предложенной Сиприано Мерой и команданте Паласиос сразу же после того, как тем стало известно о прорыве линии фронта при переправе через Мансанарес). Я настоял, — продолжает Мера, — на том, насколько опасно занятие противником высот Куатро Каминос; я также указал на наличие водопровода, тянувшегося от Клинической больницы до реки Мансанарес, по которому мятежники могли снабжать свои части, оставаясь при этом незамеченными».

(Мера работал каменщиком в этом здании.) Затем Мера обратился к Дуррути:

«— Похоже, ты привёл с собой шестнадцать тысяч человек...

— Нет, только четыре-пять тысяч²³⁴.

— Как ты считаешь, — спросил он, — в каком месте мы должны контратаковать?

— Уясни себе это раз и навсегда, Буэнавентура: у нас есть враги не только по ту сторону фронта. Генерал Миаха, по-видимому, хочет быть справедливым с нами, но его окружают коммунисты, а они не желают, чтобы Дуррути, самый известный боец-анархист, записал на свой счёт оборону Мадрида, в которой они сами, со своими щитами и всей этой пропагандой, пытаются выдать себя за единственных действующих лиц...

— Я знаю, Сиприано. Я не хотел приезжать сюда без всего состава колонны, сражающейся в Арагоне²³⁵. Сама организация потребовала от меня прибыть сюда только с частью колонны для того, чтобы попытаться найти выход из положения. Также правительство настояло, что, принимая во внимание сложность обстановки, я не мог оставить Арагон без прикрытия, так как ввиду срочности перевода войск не хватало времени для полной замены. Ну хорошо, дела обстоят именно так, и всё, что мы можем сейчас сделать, — это соединить две наши колонны. Это мне кажется целесообразным; мы возьмём твою с занимаемой позиции и объединим её с нашей.

— При таких обстоятельствах, — вступил я в разговор, — объединение невозможно. Миаха будет против, так как он считает: мы должны оставаться на этом участке, потому что он из самых трудных.

— Хорошо, тогда мне придётся действовать, — сказал Дуррути, — только рассчитывая на собственные силы и согласно приказам, то есть атаковать на рассвете по направлению Каса-де-Веласкес, а также попытаться продвинуться к Мансанарес. Я предпочёл бы подождать ещё один день, чтобы мои люди отдохнули и разведали получше позиции противника. Но мы сделаем то, что нам приказывают.

— Что я могу сделать, — ответил я, — так это дать тебе одну центурию, которая хорошо знает эту местность, и они смогут быть проводниками твоим бойцам.

— Сегодня уже поздно. Завтра сделаем это.

Мы обнялись на прощание, и, пожелав ему всего доброго, я вернулся на свой командный пункт²³⁶.

Было около девяти часов утра, когда мы вошли в город по Пуэнте-деВальекас (15 ноября). На улицах нас горячо приветствовали рабочие и бойцы. Наша колонна проходила вблизи посольства Финляндии, откуда нас трусливо атаквали. Мы взяли штурмом здание посольства и внутри обнаружили настоящий арсенал автоматического оружия и гранат. Всё это досталось нам (...). После ликвидации фашистского очага мы направились на шоссе Орталеса, где в детской школе, на перекрёстке железнодорожного путепровода в рамках Сьюдад Линеаль, нам предоставили помещение для ночлега.

В четыре часа дня у входа в школу, где мы расположились, остановился туристический автомобиль. Из него, чрезвычайно взволнованная, вышла Федерика Монтсени и сказала нам энергичным голосом:

— Товарищи, арабы подошли к Пасео-де-Росалес. Если вы не хотите созерцать сегодня же печальную картину — оккупированный арабами Мадрид, — необходимо, чтобы ваши подразделения тотчас же вышли к этой точке.

Либерто Рос и Хосе Мира ответили ей:

— Дуррути, уходя, сказал нам: мы ни в коем случае не должны покидать этот участок. Нам нужно ждать его, и, если твои новости верны, надеемся — недолго.

— Счастливо всем! — И она быстро уехала²³⁷».

16 часов 15 ноября. Свидетельство Миры — как письменное, так и сообщённое нам устно — подтверждается другим приведённым.

Оба показания достоверны:

«Тем временем, — продолжает Хосе Мира, — противник продвигался по Бомбилья и даже подобрался к Французскому мосту (Пуэнтете-лос-Франсесес), и хотя до этого он был подорван, мятежники форсировали реку и вступили с того края в Университетский городок. Спустя несколько минут после отъезда Федерики приезжает Дуррути и говорит:

— Будьте готовы к выходу в два часа ночи к тюрьме-одиночке Prisión Celular. Там, прямо на местности, мы проанализируем, как лучше действовать, и разработаем общий план.

До гарнизона Монклоа мы дошли пешком. Впереди шла группа “Мадрид” под началом товарища Тимотео. 5 января 1937 года он погибнет в бою с противником в Пуэрто Аравака. Прибыв в здание тюрьмы, я увидел там Дуррути и Мансану, с нетерпением ожидавших нас. На карте Университетского городка нам показывают позиции, которые нужно взять. Мансана рекомендует некоторым из нас продвинуться вперёд и разведать местность. Под покровом ночи мы идём к Пласа-де-ла-Сьюдад; спустя некоторое время возвращаемся, оставляя на дороге товарищей — Мигеля, Наварро и Марино, — чтобы они провели подразделения, за которыми направились мы.

Как можно быстрее мы вручаем каждому “милисьяно” ручные гранаты и снаряжение, какое он только сможет донести на себе...»²³⁸

Прежде чем продолжить рассказ о колонне «Дуррути», откроем на этом месте скобку. Клеберу, как и другим ответственным военачальникам, которые должны были контратаковать, был отдан приказ выступить на рассвете. Но генерал Клебер, по словам Висенте Рохо, не подчинился этому приказу, так как он начал бой в 10 утра. По этой причине «такого рода опоздание сыграло на руку противнику, которому удалось укрепить и организовать свои позиции»²³⁹.

Однако «солдаты Асенсио атаковали на рассвете. Они, несмотря на меньшую численность и усталость, захватили Каса-де-Веласкес и школу инженеров-агрономов именно в той точке, где должна была действовать XI бригада интернационалистов. Атака застала врасплох батальон “Домбровский”, только что обосновавшийся в Каса-де-Веласкес, бойцы обратились в бегство, на месте осталась лишь третья рота. Она героически сражалась, но все её бойцы погибли (...)»²⁴⁰.

Взятие Каса-де-Веласкес и Инженерной школы, а также рассеяние подразделений, без сомнения, внесло ещё больше смятения в ту контратаку, особенно, что касалось частей колонны «Дуррути», которые вступали в Университетский городок впервые.

Вернёмся к повествованию Хосе Миры:

«Когда настало утро, мы развернули два фланга: Либерто со своими силами зашёл со стороны Парке-дель-Оэсте, продвинулся вглубь, вплоть до занятия Института Рубио; сопротивление мятежных войск было жестоким. Мне поручили левый фланг, в который входили: Асило-де-Санта-Кристина (Приют) и близлежащие здания, стена, выходящая на бульвар и идущая вплоть до Клинического госпиталя (Каса-де-Веласкес занятого V полком), факультет философии и литературы, где мы должны были установить контакт с Либерто, через Паласете и группой Интернационалистов (X бригада), с северной стороны упомянутого здания.

Наше продвижение совпало с натиском противника, обе стороны вступили в бой без какой-либо поддержки. Резня была ужасной — как для них, так и для нас; несколько раз мы схватывались врукопашную...»

Мира продолжает свой рассказ о сражениях и атаках, не сообщая в точности названий, хотя и предполагается, что они заняли Асилоде-Санта-Кристина, как далее мы увидим.

«В семь утра, — продолжает Мира, — мы заняли Клинический госпиталь и там оставили Центурию 44 под началом делегата Майо Фаррана».

Мира указывает, что приблизительно в девять утра «девятью батареями противника, сотни самолётов и многочисленные танки постоянно поддерживали продвижение пехоты противника; земля кипела от шрапнели». К этому он добавляет, что в небе появились «микроскопические самолёты», позднее известные под названием «курносые», которые с невероятным героизмом напали на сотню трёхмоторных самолётов и бомбардировщиков фашистов. Несмотря на меньшее количество, наши храбрые лётчики сразили десять вражеских самолётов, которые упали на нашей земле...

«В одиннадцать утра от Куатро Каминос подошли подразделения под началом “команданте” по имени Миненса. У них был письменный приказ из Главного штаба: они должны были разместиться лагерем в Клиническом, оказывая поддержку продвижению наших войск...» Согласно проконсультированным нами документам, эти части «команданте Миненса» принадлежали V полку. Этот факт указывает что, как Клебер, так и V полк вступили в бой с большим опозданием. «Тем временем, — продолжает Мира, — ряд попыток штурма Касаде-Веласкес провалился, так как большинство наших подкреплений потерпели

огромные потери, а другие находились на позициях, которые мы отвоевали в самые ранние часы».

Хосе Мира пишет, что той ночью с 16 на 17 ноября шли бои за Каса-де-Веласкес и факультет философии и литературы. Он также рассказывает, что той ночью в районе Клинического госпиталя не наблюдалось почти никакой военной деятельности, и указывает, что «команданте Миненса покинул или эвакуировал (можно назвать это как угодно) Клинический госпиталь в 23 часа». Потом он добавляет, что «наконец мы смогли обнять интернационалистов, которым удалось ценой больших усилий прорвать вражеское кольцо и поддержать нас в окончательном штурме здания факультета философии и литературы». Но «в течение всей ночи защитники факультета отражали атаку за атакой, со стороны “насионалес”».

Далее он повествует:

«С тех пор как мы начали продвижение по территории Университетского городка, у нас не было во рту ни крошки хлеба, ни глотка кофе, иногда мы валялись с ног от усталости. При таких обстоятельствах мы встретили первые рассветные минуты 17 ноября, ни на минуту не прекращая сражений с закатных часов предыдущего дня»²⁴¹.

17 ноября оказался злосчастным днём. Бомбардировки столицы были ужасными. Корреспондент Paris Soir в Мадриде телеграфировал в своей хронике:

«О, старая Европа, всегда настолько занятая твоими малыми играми и тяжёлыми интригами! Дай Бог, чтобы вся эта кровь не потопила тебя!»

А Сесар Фалькон, ещё один журналист, писал в своей телеграмме:

«Мадрид является первым цивилизованным городом мира, подвергающимся атаке фашистских варваров. Лондон, Париж и Брюссель должны видеть в разрушенных домах Мадрида, в его растерзанных женщинах и детях, в его музеях и библиотеках, превращённых в груды руин, в огромном количестве горожан, оставшихся без крова... свою собственную судьбу, когда они подвергнутся атаке фашизма»²⁴².

Войска генерала Асенсио, уже получившие хорошее подкрепление в этот день, 17 ноября, были брошены на штурм в трёх направлениях: под командованием Баррона — на студенческое общежитие, с целью занять бульвары: Росалес и Морет со стороны Паркедель-Оэсте; под началом Серрано, в двух колоннах — против Асило-де-СантаКристина; и Клинического госпиталя — с задачей проложить путь к Куатро Каминос.

Продвижение этих войск сопровождалось ужасными бомбёжками города и залпами орудий на Университетский городок, с позиций Гарабитас и Карабанчель Альто. «Юнкеры» также сбрасывали свои смертоносные грузы. Чтобы описать эту ситуацию, Хосе Мира вновь использует весьма впечатляющую фразу: «Земля кипела от шрапнели».

Чтобы пройти к Клиническому госпиталю, подразделения Серрано должны были прежде атаковать Асило-де-Санта-Кристина, где находились остатки колонны «Дуррути».

Столкновение было неистовым. А рукопашные бои шли не переставая.

В пылу этих сражений некоторые части оказались расформированными, особенно те, которые находились в здании Клинического госпиталя, оставленные команданте Миненсой перед тем как эвакуироваться предыдущей ночью. Часть всех этих перебежчиков выбежали к Пласа-де-ла-Монклоа; но там их задержала группа, которую удалось организовать Мигелю Йолди, хотя большинство людей не входили в состав колонны. С пистолетом в руке он задержал бегущих и таким образом сдержал зарождающуюся волну паники²⁴³.

В 16 часов 17 ноября Сиприано Мера встретился с Хосе Мансаной, чтобы помочь ему расставить бойцов напротив Клинического госпиталя.

«Наши люди быстро заняли кладбище, находящееся напротив водного резервуара канала Исабель II, женский монастырь и казарму Гражданской гвардии Гусман Эль Буэно, кроме того — Институт географии и кадастра, Госпиталь Красного Креста и всю колонию маленьких отелей Метрополитанского стадиона.

Когда наступила ночь, — продолжает Мера, — мы с товарищем Йолди подошли к главной казарме колонны “Дуррути” (которая обосновалась на улице Мигель Анхель, номер 27, раньше это был дворец герцогов Сотомайор). Через некоторое время пришёл Дуррути, и мы посвятили его в подробности обстановки. Он мобилизовал всех своих связных, чтобы передать делегатам центурий приказ приступить к реформированию в течение ночи, при этом не покидая ни одного из ранее занятых зданий».

Смятение было всеобщим, к тому же по причине произошедших перемен внутри Университетского городка Дуррути не знал, в каком именно месте находились его центурии. Отправив связных, он попросил у Меры послать ему ранее обещанную центурию, указывая казарму Гражданской гвардии Гусман эль Буэно как место для встречи.

Той ночью, с 17 на 18 ноября, когда Дуррути в полночь смог собрать делегатов центурий в здании факультета наук, подведённый итог 36-часовых сражений оказался ужасным. По словам Кормана, от центурии интернационалистов оставалась четверть личного состава. Итого из тысячи семисот солдат, начавших бой, едва осталось 700, и те находились в весьма печальном состоянии: полтора дня они не знали ни вкуса еды, ни глотка кофе. Холод пробирал до костей. Не прекращаясь шёл дождь. А борьба была непрерывной, смерть подстерегала каждую минуту, она могла внезапно обрушиться и покончить с жизнью — пулей или штыком.

Дуррути провёл ту ночь среди своих людей, посещая боевые позиции. Мира так описывает обстановку:

«Она была не хуже и не лучше предыдущей: рукопашные бои шли не переставая. Число жертв было невыразимо огромным — как с нашей стороны, так и в лагере противника. Но у нас ряды редели, и было невозможно заменить погибших. Тем не менее со стороны врага подкрепления не прекращались — каждые десять минут прибывало свежее пушечное мясо, которое истреблялось нашим автоматическим оружием».

На следующее утро линия фронта Университетского городка вновь превратилась в ужасные вулканические кратеры, и куда ни взгляни, повсюду — смерть и уничтожение»²⁴⁴.

Дуррути, простившись с Либерто Росом и Хосе Мирой, сказал им, что попытается заменить наиболее уставших бойцов и обсудить тему подкреплений с теми, кто ещё оставался в Министерстве обороны.

Дуррути был одержим проблемой подмены бойцов. Он хорошо знал, на что были способны люди и что лучшим образом обеспечения продолжительности борьбы была организация отдыха. Обстоятельства мадридских боёв свели на нет применение этой тактики, и ему пришлось поставить на линию огня всех своих людей. Из всех частей, сражавшихся в Университетском городке, единственным, кто привёл в бой все свои силы, был Дуррути. Другие, начиная с Интернационалистов, сменяли бойцов. Так, на рассвете того дня (18 ноября) Дуррути узнал, что интернационалисты Клебера частично были заменены XII Интернациональной бригадой, а также что другие испанские подразделения действовали таким же образом. Когда Дуррути пришёл в казарму Колонны, то там он встретил корреспондента *Solidaridad Obrera* Ариэля, который спросил о его впечатлениях²⁴⁵.

” Бой будет суровым, очень суровым, но если мы выстоим сегодня, Мадрид спасён: фашисты не войдут в столицу. Товарищи вели себя достойно и продолжают сражаться как львы, но мы понесли большие потери. Мансана и Йолди ранены. Нужно найти замену нашим бойцам, потому что, заверяю тебя, бой сейчас идёт суровый и будет ещё очень жестоким”.

«Не теряя времени, — продолжает статью Ариэль, — я отправился в Комитет обороны, чтобы сообщить Эдуардо Валью о сказанном мне Дуррути. Когда он получил информацию, то решил обсудить этот вопрос непосредственно с Дуррути, и мы вместе пошли на улицу Мигель Анхель.

Дуррути сказал Валью то же самое: нужно было заменить, и как можно быстрее, уставших бойцов. Прямо оттуда Валь позвонил в профсоюзные центры с требованием подкреплений. Один из конфедеральных товарищей подменил Йолди, но Мансана, несмотря на раненую руку на перевязи, пожелал продолжать сражаться²⁴⁶.

После ряда телефонных звонков Валь пал духом и сказал Дуррути, что невозможно найти замену его бойцам. Все товарищи были мобилизованы, и многие из них сражались в частях, не считавшихся конфедеральными... Для Дуррути такое положение было страшным: если он продолжал посылать своих людей на линию огня, то это означало вести их на верную смерть; а отослать их на отдых и не заменить никем было невозможно — это не только ослабило бы боевой дух сражавшихся, но и открыло бы проход для врага. Ввиду сложившейся ситуации Дуррути принял решение поставить вопрос на обсуждение Главного штаба и там найти способ разрешения.

Когда Дуррути собирался выезжать в министерство обороны, вошёл Либерто Рос с недоброй вестью. Ранили Хосе Миру, и все бойцы просились на отдых. Либерто Рос вместе с Мариньо входил в состав анархистской группы, которая получила боевое крещение в сражениях 1933 года. Теперь Мариньо исполнился 21 год, а Либерто — 22. Дуррути очень ценил этих двух

парней, которые, несмотря на молодость, прекрасно зарекомендовали себя в боях. Дуррути посмотрел в глаза Либерто, задерживая взгляд, и спросил:

— Где сейчас фашисты?

На этот странный вопрос Либерто ответил:

— Ты прекрасно знаешь: сейчас бои идут на Монклоа.

— Вот именно, ответил Дуррути. — Всего лишь на расстоянии проезда на трамвае стоимостью в пятнадцать сантимов до остановки Пласа дель Соль! Ты думаешь, Либерто, что при таких обстоятельствах можно думать о заменах? Поговори с товарищами прямо и сурово. Скажи им правду: нет замен. Нужно терпеть, терпеть и терпеть! Я сам нахожусь в таком же положении, что и вы. Эту ночь я провёл в Университетском городке; этим утром я был с вами в Монклоа, а сегодня ночью я подменю Миру. Скажи об этом товарищам. И если твоя рана неглубокая, останься на своём посту, Либерто²⁴⁷.

После ухода Либерто Дуррути сказал Море, что пойдёт в министерство обороны, чтобы попытаться достать людей для подмены. Но когда он выходил из помещения, Мора передал, что сейчас звонит Эмилианне из Барселоны. Дуррути помедлил мгновение и наконец нервно взял телефонную трубку:

— Ну что там? — Слишком сухой вопрос, ведь речь шла о близком человеке, который с минуты на минуту ожидает новостей о гибели мужа. — Да, у меня всё в порядке. Прости... Я спешу... До скорого! И повесил трубку. На лице Мора было написано глубокое удивление.

Дуррути заметил это и сказал ему неопределённым тоном:

— Что же ты хочешь? Война делает из нас шакалов»²⁴⁸.

Версия #1

Зверобой создал 23 июля 2025 21:57:52

Зверобой обновил 23 июля 2025 22:10:35